

Хорст К.

Элий Аристид и похвала городам

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3180>]

[Публикация работы:]

Хорст К. 2010: Элий Аристид и похвала городам // Город в Античности и Средневековье: общеевропейский контекст: доклады международной научной конференции, посвященной 100-летию г. Ярославля / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ч. I. Ярославль, 98-101.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
JAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Элий Аристид и похвала городам

Долгое время похвала городам по праву считалась жанром, недостойным слишком пристального внимания. Такое убеждение основывалось на доводах филологического толка, которые базировались на формальных и традиционно-исторических аспектах этого жанра. Похвала городам рассматривалась лишь в качестве компиляции тем, эпитетов, тезисов греческих авторов Исократ, Полибий, Дионисий Галикарнасский и Плутарх. В филологическом и литературно-историческом исследовании, основоположником которого являлся биограф Аристида Г. Баумгарт, а продолжателями – У. фон Виламовиц и Е. Норден, присутствовало убеждение, что всякие требования к содержанию данного жанра должны уступить место внешней форме: «Можно без преувеличения утверждать, что ни одна из 55 сохранившихся речей Аристида не содержит ни одной самостоятельной мысли... Без опоры на силу и глубину мысли она связывает поверхностные представления с всегда сменяющимися, но неизменно бесплодными комбинациями»¹. Изжить репутацию легкого жанра похвала городам смогла нескоро. По мнению Рихарда Кляйна, своевременный повод и задачи автора и, конечно, оригинальность речи стали актуальным предметом дискуссии только благодаря проблеме, касающейся политической функции похвальных речей. Впервые политическую интерпретацию речи предпринял М.И. Ростовцев, а вслед за ним – Джеймс Г. Оливер, Йохен Бляйкен и Рихард Кляйн, последний из них перевел речи на немецкий язык, снабдив их подробными комментариями².

Внутри этих политико-интерпретаторских течений имеются две точки зрения. Это, с одной стороны, римско-империалистическая, а с другой – греко-эмансипированная перспектива восхваления Рима.

Первая исходит из того, что Элий Аристид, как и в целом греки его эпохи, безоговорочно идентифицировали себя с Римской империей. Римское умение властвовать, столь восхваляемое Аристом, отличало Рим от прежних государств, среди которых древний автор назвал персов и греков. Благодаря этому умению римлян была обеспечена безопасность всех граждан. Йохен Бляйкен объясняет эту гарантируемую римлянами безопасность особенностями управления и правовой политики, из которых извлекает пользу и сам Аристид, и которые он сделал главным предметом своей похвальной речи³.

Это представление вызывает неприятие у тех авторов, которые пытаются переосмыслить отношения Рима и провинций в контексте второй софистики и радикальным образом подвергнуть сомнению тезис о добровольной интеграции греков. Так, по утверждению С. Свейна, Аристид выказывал лишь, пожалуй, внешнюю лояльность в отношении Рима, нацеленную на материальную выгоду, такую как, например, неприкосновенность. Более же полного отождествления, выходящего за эти внешние рамки, так и не произошло. В конечном итоге, С. Свейн приписывает оратору Аристиду, греку по натуре, принципиально отрицательное отношение к римской власти, утверждая, что Аристид «не имел интереса к истории или культуре Рима и не желал своего участия в системе, которую сам же и воспевал»⁴.

Это мнение разделяет и Рихард Кляйн, который также исходит из того, что Аристид в своих речах не разменивался на безоговорочную похвалу, но сохранял искусно завуалирован-

¹ Baumgart H. Aelius Aristides als Repräsentant der sophistischen Rhetorik des zweiten Jahrhunderts. Leipzig, 1874. S. 39. Cp.: Wilamowitz-Moellendorf v. U. Der Rhetor Aristides. Berlin, 1925. S. 333-353; Schmid W. Der Atticismus in seinen Hauptvertretern. Von Dionysius von Halikarnass bis auf den zweiten Philostratus. Heidelberg, 1887-1897. S. 2; Norden E. Die antike Kunstprosa. Vom 6. Jh. v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Darmstadt, 1958. S. 401 f.

² Rostovtzeff M.I. Wirtschaft und Gesellschaft im Römischen Kaiserreich. Leipzig, 1929. S. 113 f.; Oliver J.H. The Ruling Power. A Study of the Roman Empire in the Second Century after Christ through the Roman Oration of Aelius Aristides // TAPhS. 1953. №43. P. 871-1003; Bleicken J. Der Preis des Aelius Aristides auf das Römische Weltreich // Gesamtelte Schriften. Stuttgart, 1998. S. 901-951; Klein R. Die Romrede des Aelius Aristides. Herausgegeben, übersetzt und mit Erläuterungen versehen. Darmstadt, 1983; idem. Die Romrede des Aelius Aristides. Einführung. Darmstadt, 1983; idem. Zum Kultur- und Geschichtsverständnis in der Romrede des Aelius Aristides // Prinzipat und Kultur im 1 und 2 Jahrhundert. Bonn, 1995.

³ Bleicken J. Op. cit. S. 916 ff.; Swain S. Hellenism and Empire. Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50-250. Oxford, 1996. (ND 2003). P. 297.

⁴ Swain S. Op. cit. P. 297.

ную дистанцию по отношению к Риму – факт, по мнению исследователя, свидетельствующий об осознании греками своей культурной самобытности.

Аристид сумел достигнуть этого прежде всего потому, что подчеркивал исключительно современное величие Рима, при полном отказе от изображения прошлого города. Он не указывал на отсутствие римских поэтов, ораторов и историков, равноценных представителям греческой истории. Таким образом, Аристиду удалось одновременно сохранить культурные притязания греков на свою обособленность⁵.

Примечательно то, что Рихард Кляйн для обоснования культурного превосходства греков, якобы утверждаемого Аристидом, ссылается на «Панафинейскую речь», в которой подчеркивается уникальность Афин, имеющих в своем распоряжении библиотеки, гимназии, термы и храмы. В противоположность тому – здесь Кляйн вновь обращается к «Римской речи» – Рим представляется как гигантская рыночная площадь, куда стекались товары со всех стран: корабельные грузы из Индии, вавилонские платья и украшения, зерновые культуры из Египта и иных частей Африки, с Сицилии⁶.

Хотя Кляйн видит, что это явное противопоставление власти и культуры в «Римской речи» не было подтверждено и, в конечном счете, даже упразднено, он твердо придерживается мнения о дихотомии между Римом, как главным «политическим и экономическим центром», и Афинами, как центром культурной сферы, чьи художественные и цивилизаторские достижения античности дошли до наших дней⁷.

По моему убеждению, интерпретация «Римской речи» не достигает своей цели, если ее рассматривать с позиции выгоды одного Рима или же одной Греции. Как – скорее всего, случайно – подметил Йохен Бляйкен, речь ни в коей мере не шла об «унифицировании подданных Империи». Аристид изображал не Империю римлян, но Империю, где присутствует свобода, несмотря на тот факт, что не все ее жители были римского происхождения.

Возникает вопрос: как в данном контексте следует понимать высказывание Аристида о том, что в мировой римской державе установился общий для всех жизненный уклад. Очевидно, что не было единого жизненного уклада, подразумеваемого Аристидом. Он и не идентичен классической греческой культуре и, вместе с тем, не соответствует тому греческому образу жизни, который был адаптирован римлянами и оформлен в соответствии с их пониманием. Тем более ощутимым становится различие, подчеркиваемое этим жизненным укладом. Поскольку он является выражением культуры, порожденной взаимодействием римлян и греков, которая несет нечто совершенно новое, и при этом преодолевает былые дихотомии между Римом и Грецией, то налицо пример гибридной культуры. Как в античности, так и в современной науке эта культура известна под названием «второй софистики». Было бы неверным представлять позицию греков в отношении этой культуры как безоговорочную самоидентификацию с ней. Было бы также необудительным трактовать вторую софистику как выражение эмансипационных устремлений греков – притязаний, имевших своей причиной принципиальную вражду или неприязнь⁸.

В случае, если похвала городам Аристида не представляет собой пустую лесть, и не подразумевает открытую или завуалированную критику в адрес римской власти, вопрос об авторском намерении остается открытым.

Медиевист Г. Куглер, который перевел рассуждения о похвальных речах городам в иную плоскость, подтверждает, на основании инструкций *πὸς τὴν πόλιν ἐλπίειν* ратора Меландра, жившего в III в. и испытавшего влияние Аристида, что доказательным формулам времен Римской империи были присущи воспитательные или нормирующие высказывания⁹. В тексте один город, каков бы он ни был в действительности, противопоставляется другому, каким должен стать. В этом плане похвала городам не содержит обыкновенных приукрашиваний, представляя собой нечто вроде эскиза. Этот научный анализ был продолжен в рамках научной концепции «imagined community», связанной с именами Бенедикта Андерсона и Филиппа Сара-

⁵ Klein R. Kultur- und Geschichtsverständnis... S. 288 f., особенно S. 290.

⁶ Ibid. S. 285.

⁷ Klein R. Kultur- und Geschichtsverständnis... S. 286.

⁸ К вопросу о структуре второй софистики ср. Horst C. Marc Aurel – Der Philosophenkaiser. Zur politischen Macht eines Bildes in der Zweiten Sophistik (в печати).

⁹ Kugler H. Die Vorstellung der Stadt in der Literatur des deutschen Mittelalters. München, 1986. S. 26 ff.

сина¹⁰. Их концепция нашла свое применение в исследовании похвальных речей городам в рамках недавней диссертации Карлы Мейер на тему Средневековья. В случае с так называемыми «imagined communities» речь – в отличие от других релевантных номинантов («нация», «народ», «раса») – идет не о метафизических сущностях или субстанциональном центре города. Здесь имеется в виду предположение, что сообщество – это продукт всех включенных в него людей, и что оно существует, пока условием принадлежности к нему выступает свобода¹¹.

По моему мнению, речь Аристиды перед Антонином Пием представляет собой презентацию «imagined community». Рим для Аристиды – больше, чем просто политическая или экономическая метрополия, ибо он гарантировал абсолютную безопасность своим гражданам. Еще более Рим воспевался как рассадник культуры. Уже в первой части своей речи Аристид произнес, что дал обет выступить перед городом с публичной речью¹². Тем самым, он задал своему сочинению определенный уровень. Римские города, как писал автор, «изобилуют гимназиями, водоемами, пропиеями, храмами, мастерскими, училищами»¹³. Здесь, по замечанию Рихарда Кляйна, ни в коем случае не имеется в виду один лишь Восток, то есть Греция¹⁴. Скорее всего, тут можно говорить о римских городах в целом, к которым относится также и Рим. В одном из последующих отрывков Аристид именует Рим основоположником жизненного уклада, распространившегося повсеместно¹⁵. В следующем отрывке он даже дистанцировался от прежней дихотомии между греческой культурой и римской властью, констатируя, что, хотя культура и ведет свое начало от Афин, однако она восприняла традицию лишь у римлян, которые, в его обобщенном мнении, являются вторыми, но лучшими¹⁶. Хвала культуре воздается в греческих сочинениях и римской современности. Например, в «Панафинейской речи», как это отметил Рихард Кляйн. Антиподом греческой культуры выступают не римляне, а персы. При сопоставлении мировых держав, таких как Ассирия, Мидия, Персия, Македония и Рим, в более благоприятном свете перед нами снова предстает последний. Тот тезис, что положение Афин под властью Рима было наиболее благоприятным, приводится как свидетельство его превосходства (*Ael. Aristid. Panathen.* 85, 241).

Политическое и культурное преимущество Рима, смоделированное в свое время Аристидом, можно в действительности было бы признать ничем более, как пустой лестью, если бы его похвала не имела бы существенного резонанса в обществе.

По замечаниям М.И. Ростовцева, Йохена Бляйкена и Рихарда Кляйна, В «Римской речи» Аристиды затронуты не конституционные вопросы в классическом смысле, а принципы господства и особенно то, как римлянам следует держать себя со своими подчиненными¹⁷. Несмотря на свою ключевую роль, эти принципы до сих пор не подвергались анализу и сопоставлению с политическим содержанием речи. Результаты такого анализа показали бы, что в них заключен путь к решению вопроса о целевой установке речи. Аристид в своей теории господства опирался на речи о царской власти (*πέρ βασιλείας*), восходящие к Ксенофону и Исократу. Во времена Империи они были восприняты также Дионом Хрисостомом и Плутархом, политическая задача этих речей состояла в сближении власти императора с идеальной формой правления.

В этих речах противопоставлялись тирания и демократические формы правления. В то время, как структуры тиранической власти характеризовались иерархичностью и деспотизмом, утверждалось, что для царской власти свойственно обоюдное взаимодействие господствующих слоев и подчиненных¹⁸.

Эти взаимодействия, называемые в речах о царской власти «демократией», присутствуют, по мысли Аристиды, и в Риме. Он пишет: «В противоположность тому, в мире, при главен-

¹⁰ Anderson B. *Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism*. London, 1983; Sarasin P. *Die Wirklichkeit der Fiktion. Zum Konzept der «imagined communities»* // Sarasin P. *Geschichtswissenschaft und Diskursanalyse*, Frankfurt, 2003. P. 150-176.

¹¹ Meyer C. *Die Stadt als Thema. Nürnbergs Entdeckung in Texten um 1500*. Ostfildern, 2009. S. 50 f.

¹² *Ael. Aristid. Laud. Rom. I*: «...ἐχρην ταύτην ἐποιήσασθαι, οὐκ ἄμυστον οὐδ' ἐκμελῆ οὐδ' ἀπο τῆς τέχνης».

¹³ Использован перевод С.И. Межеричкой под ред. М.Л. Гаспарова. *Ael. Aristid. Laud. Rom.* 97: «...πάντα δὲ μεσὰ γυμνασίων, κρητῶν, προπύλαιων, νεῶν, δημοιοργῶν, διδασκαλῶν».

¹⁴ Klein R. *Kultur- und Geschichtsverständnis*. S. 286.

¹⁵ *Ael. Aristid. Laud. Rom.* 101: «...καὶ διατῆ καὶ τάξει πάντα ἡμετέραν τέχνην».

¹⁶ *Ael. Aristid. Laud. Rom.* 101: «...καὶ τοῦτον ὅφ' ὑμῶν δευτέρων, φασίν, ἀμεινόνων».

¹⁷ Rostovtzeff M. I. *Op. cit.* S. 112 ff.; Klein R. *Die Romrede...* S. 164; Bleicken J. *Op. cit.* S. 253 ff.

¹⁸ По данной проблеме см. Horst C. *Op. cit.*

стве одного человека, лучшего правителя и руководителя, сложилась общая демократия». Господство над «свободными людьми», воплощение которого Аристид находит в Риме, оценивается положительно в сравнении с теми деспотическими системами, в которых управление осуществляется посредством силы. Вследствие этого в деспотических государствах правители вынуждены сталкиваться с ненавистью и интригами, изменой и междоусобными войнами, продолжительной борьбой и непрекращающимся соперничеством, бояться своих подданных больше, чем врагов (*Ael. Aristid. Laud. Rom.* 20, 22).

В отличие от тех систем, власть в которых зиждется на насилии, в Римской империи людьми управляют, согласно Аристиду, «искусные чиновники, они господствуют в лишь той мере, насколько с этим согласны сами подданные» (*Ael. Aristid. Laud. Rom.* 36, 37). Причинами такого признания, по утверждению С. Свейна, явились не только политические и экономические преимущества, которые Рим давал своим гражданам¹⁹. Аристид писал, что гораздо большего внимания и удивления заслуживает гражданское право и связанный с ним образ мышления. Они находят свое выражение в том, что всем ученым, знатым и власть имущим Рим не только предоставил гражданские права, но и «установил с ними полное родство». Интеграционная политика, описываемая здесь Аристидом, выходит за рамки обычной гражданско-правовой политики. Более всего политическая интеграция проявляется в культурной среде, когда ученые, получившие гражданские права, создают общий жизненный уклад. В разделах 65 и 66 данной речи он подтверждал это, констатируя, что из единого государственного порядка проистекает «образ жизни». Аристид отмечал, что земной круг стал одновременно единой семьей. Этот «образ жизни» есть культура, созданная совместно римлянами и греками. Ее фундаментом является практика правления римлян, которую Аристид называл демократией, когда каждый гражданин может участвовать в структуре власти.

Отождествление Рима с демократическими структурами господства – это наивысшая похвала, доставшаяся Риму. Одновременно с этой похвалой соединен политический призыв. Как и другие творцы речей о царской власти, Аристид недвусмысленно давал понять, что римляне только тогда положительно воспринимают людей, когда последние подчинены той форме правления, которую порождает общая культура.